

Призрак Черной Дамы

Журналисты гадали у цыганок, подавали нищенкам денежку и хлеб

ФОТОРЕПОРТАЖ
смотрите на нашем сайте
www.magmetall.ru

Забронзовелый принц

Искренне не понимала людей, без памяти влюбленных в города. Как-то оказалась попутчицей девушек, которые каждое лето ездили на свидание с Питером. Как патриот страны, я, бесспорно, бываю польщена, слыша восхищения иностранцев Северной Пальмирой. Меня «окно в Европу» не вдохновляет и восторженных чувств не вызывает: холодно на «берегах Невы». Даже летом. Встретившись с Ленинградом еще подростком, запомнила лишь импровизированные пляжи: клумбы и газоны с распростертыми телами горожан – бледные обитатели града Петра ловили каждый лучик солнца. Экскурсовод просветила: пока доедешь до пляжа, под дождь попадешь. Ни Зимний, ни Петродворец не запали в душу. Может, лето было холодное. С недавнего времени осознала: дело не в температуре окружающей среды.

Ноябрь в Богемии выдался дождливый, прохладный. Намотавшись в тест-драйве по дорогам Северной Богемии на всевозможных школовских моделях, наконец-то докатили до гостиницы. Семь вечера, но темень – хоть глаз выколи. Желаящих, таковых было немного, препроводили на экскурсию – в замок, что рядом с гостиницей. Ни разу не приходилось осматривать достопримечательности в потемках. Отдалившись от яркого крыльца гостиницы, шли почти на ощупь. Неожиданно сквозь металлический ажур ворот пробился тусклый, словно от догорающих факелов свет. Скрежет вековых петель, несколько шагов в полутьме и... три века как не бывало: мрачный и величественный дворик готического замка властно захватил сознание. Пришедший сюда – лишь вассал его хозяина – французского принца Рогана-Рошфора восьмого герцога Монбазона. Он верил: голландцы-революционеры лишь на время вынудили его покинуть родную Францию, замок Сихров лишь временное прибежище для его семьи. Но даже это недостойное его положения пристанище должно походить на резиденцию принца. Смотрите и трепещите! Величественную лестницу охраняют железные рыцари в доспехах холодных, как тела покойников. Встречает гостей сам достославный Карл Роган. Его забронзовелый лик низводит до осознания собственной ничтожности. Надменный потомок французских королей милостиво позволяет лицезреть роскошь его покоев. Длинный полутемный коридор с лампами, стилизованными под факелы, повествует о Рогане-охотнике. Полюбуйтесь на его трофеи: головы оленей и косуль уходят в многометровую темноту коридора. В блестящих глазах дичи скачет огонь факелов, огонь бешеной гонки и смерть от меткой руки принца Рогана-Рошфора. Все в округе Сихрова должно существовать с единой целью: восславить его имя в веках. Престолюдин Петр Бушек всю свою жизнь, почти 40 лет, создавал для принца резную сказку Чехии: стулья, бесчисленные шкафы, книжные полки, секретеры и потолок увиты его деревянной вязью.

Восхищайтесь библиотекой Рогана: дубовые полки хранят более полутора тысяч

Полубнаженные красотки в мнистах плясали прямо на столах

фолиантов XVI–XVII веков и девять старинных рукописей. В благоговейный трепет должны привести вас салов 240 портретов августейших родственников Рогана – представителей династии Бурбонов и оживших персонажей романов Дюма: госпожи де Шеврез, мадам де ля Мот, Филиппа Орлеанского. Задрав головы, пытаемся разобрать черты лица, но они теряются в пурпуре мантий, бархате платьев, пышных воротниках. Лишь один из портретных персонажей облачен в черные одеяния. Это хозяйка замка Берта. Ее изображение висит в приватных покоях замка. Какой-то потомок принца, сраженный красотой юной Берты, женился на девушке, которая приходилась ему близкой родственницей. Родившийся ребенок умер в младенчестве. От горя и тоски скончалась и Берта. С тех пор в полночь в темных готических окнах виден свет – это призрак Черной Дамы, которая бродит по коридорам в поисках своего мальчика. «Когда случается гроза, в замке слышен ее голос. Она закрывает двери, стучит в окна», – понизив голос, выдает секрет замка большая тетенька-экскурсовод, которая очень походит на дворцовую экономку. Журналисты невольно сбиваются в стайку, стараясь не отставать, когда тайком от «экономки» со вспышкой снимали убранство залов. Аккуратен призрак до невозможности: случись, какую вещь переставят, наутро она чудным образом оказывается на прежнем месте. Погасив свет в последнем зале, «экономка» запирает на ключ почерневшую от времени дверь и выводит недисциплинированных посетителей за ворота... В темных окнах замечаем мерцающий свет – то ли отсвет уличных фонарей, то ли некто со свечой в руках бредет по коридорам векового замка...

наутро она чудным образом оказывается на прежнем месте.

Погасив свет в последнем зале, «экономка» запирает на ключ почерневшую от времени дверь и выводит недисциплинированных посетителей за ворота...

В темных окнах замечаем мерцающий свет – то ли отсвет уличных фонарей, то ли некто со свечой в руках бредет по коридорам векового замка...

По корчме шастали черти

Нелюбознательная часть группы дышала раздражением: экскурсия в готику задерживала ужин. Едем в ночь, открываем дверь и оказываемся в... бедламе. Полутемное, усталое соломою помещение пело, играло, кричало во всю силу средневековых легких: пищаля волынки, свистели дудки, бухали барабаны... Полубнаженные красотки в мнистах плясали прямо на столах. Распаленные женскими телесами и водкой «бехеровкой», орали, отбивая ладони, очумелые мужики. Наверное, здесь гулял великий резчик принца Рогана Петр Бушек.

Нас усладили за длинный дубовый стол, грохнули дюжину кружек пива. Раз вы в средневековье, значит, не до этикета. На огромном блюде седло барашка, тушки курицы вперемешку с зеленью при отсутствии столовых приборов. Руками таскайте, не баре. Журналистский народ быстро включился в экзотику: гадал у цыганок, подавал денежку и кусочки хлеба нищенкам. К полуночи гульба набрала обороты: не поделив содержимое ларца, ринулись биться на шпагах пираты. Злобная цыганка, ругаясь на бесполовых, освобождала место для стриптиз-шоу. Вскочила на стол и ну трясти телесами под звон бубнов. Подскачили карлики, застучали остроносными детскими сапожками по дубовому столу.

Апофеозом стал глотатель огня, по-современному мастер файер-шоу. Он крутил зажженные палочки, превращая их в шары; глотнув жидкость, дышал, как дракон, пламенем прижимая к стенам визжащую публику.

По корчме шастали черти, совращая невинных – предлагали глотнуть «бехеровки». Согревшись, читай еретиков, сей же час тащили на костер и под улюлюканье благочестивых подвергали аутодафе – с благословения монахов прилюдно «сжигали», используя какой-то хитрый «холодный» огонь.

Действо в средневековой корчме еще больше утопило в «средневековости». Пройдясь по готическому замку и ощутив состояние дежавю, возможно, вспомнили прошлую жизнь? Но с чего вы вдруг причислили себя к благородным? Может, в той, прошлой, жизни пришлось обслуживать венценосных особ? Что тоже неплохо: с престолюдинами в корчме всяко веселей, чем в холодном замке с Черной Дамой.

Века, бывшие прежде нас

Программа тест-драйва была составлена так хитро, что самые замечательные места Богемии мы воспринимали при свете искусственных огней. Вероятно, поэтому впечатления от замка, корчмы и Староместской площади можно назвать загадочными, таинственными, сказочными. В готическом замке Сихров в 1972 году снимали фильм «Три орешка для Золушки», корчма известна всем любителям киношных мушкетеров, а иллюстрацией к сказкам Андерсена стали Пражские соборы.

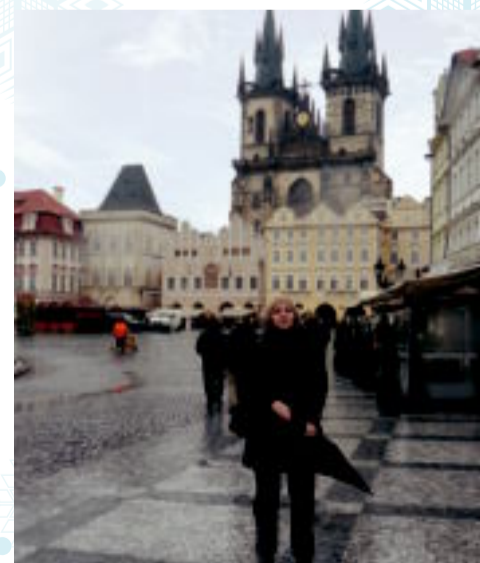
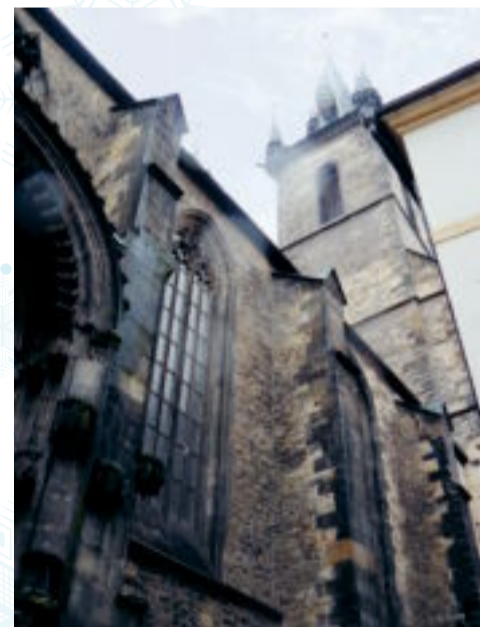
В семь вечера мы оказались на Староместской площади. Бархат черного неба пронзили три шпиля с синими огнями на остриях башен. И здесь дежавю, только не столетнее: в далеком детстве, разглядывая сказочный королевский замок, воспринимала иллюстрацию как фантазию художника. И вдруг выдумка обрела конкретный прототип – в Тынском храме «жили» короли и королевы из сказок братьев Grimm и Андерсена.

Пражские 600-летние куранты слились с миром Умберто Эко, увели в романы историка-медиевиста. В средневековый монастырь, где разворачивается детективная драма – сгорают бесценные фолианты; в эпоху Баудолино, искавшего страну пресвитера Иоанна. Староместские соборы, башни, капители, освещенные софитами, погружали в века, бывшие прежде нас.

Астрономические куранты напоминали: немногого мы лучше давних предков: миром правят те же страсти, что олицетворяют фигурки на часах. Жадность в облике скряги с кошельком. Тщеславный любит отражение в зеркале. И над всем царит символ смерти, тлена всех страстей и пороков – скелет. Каждый час в окошке курантов появляются 12 апостолов. Крик петуха возвещает новый час, новый день старой Праги.

...Теперь и у меня появился город, по закоулкам которого бродить столь же сладостно, как познавать тайные стороны собственной души ☺

ИРИНА КОРОТКИХ
> ФОТО АВТОРА

Большая часть людей путешествует лишь потому, что путешествуют их соседи. Олдос ХАКСЛИ